

Письма А.Я.Орлова о поездке на обсерваторию «Поп-Иван»

Львов, 21.12.1939

Дорогая Катюшенька, я благополучно приехал в Киев 14-го; на вокзале меня встретил Захаров и мы вместе поселились в Академии в надежде, что 15-го уедем на запад. Однако, утром оказалось, что с пропусками дело еще не кончилось, их удалось получить только лишь 16-го, но 16-го нельзя было достать билет, и мы выехали во Львов лишь 17-го вечером в 9ч. Ехали ровно сутки, но по местному времени, во Львове было еще только 7ч. Вечера, когда мы приехали. С вокзала взяли извозчика за 10 р. До гостиницы; но, увы! Мест нигде не оказалось, пришлось идти в «распред. бюро», где после часа ожидания, в виде исключения, как знак внимания к академику, нам дали комнатку, в которой можно поместиться только одному. Захаров переспал на полу. На утро 19-го, как раз в Николин день, мы начали свои деловые визиты. Прежде всего были у Пред. Исполкома, который любезно принял нас, и тотчас же дал распоряжение, устроить нас лучше в гостинице и нам отвели другую комнату. Потом пошли на Университетскую обсерваторию, где нас приняли очень хорошо. Директор обсерватории профессор Рыбка отлично говорил по-русски. Он охотно нам все объяснил, и мы видели много поучительного в том отношении, что с очень малыми средствами можно, однако, умеючи провести большую работу. У Рыбки вся обсерватория занимает около 60 кв. метров.

На этой площадке, помещающейся на крыше дома, Рыбка установил свои приборы и прославился своими многочисленными фото - визуальными наблюдениями переменных звезд до 8ой величины. Рыбка охотно переписывается с московскими «переменщиками» и соглашается приехать в Киев на астрономические совещания. От Рыбки я уже один пошел к Грабовскому в Политехнический Институт. Грабовской уже глубокий старик, замечателен тем, что ходит всегда без палки. Принял меня строго официально, но с удовольствием и подробно показал мне свою обсерваторию. Никаких значительных приборов здесь нет и будь на месте Грабовского человек, в роде Всехсвятского, он бы кричал о «преступном» отношении к науке, о невозможности учить и работать; между тем и Грабовский, как и Рыбка, извлекали все, что возможно из своих переносных инструментов. Когда я уже заканчивал осмотр обсерватории Грабовского, пришел Рыбка и попросил на завтра 20-го в Университет на совещание. Прощаясь, Грабовский сказал, что помнит нашу встречу в Пулкове и вообще свою поездку туда считает светлым событием в жизни. Поляки умеют сказать любезность; но, говоря о Пулкове, Грабовский, по-видимому, был искренен. Свои дела я кончил 19го около 3 часов дня и пошел обедать. Съел суп и столь отвратительную «ветряную» котлету, что меня тошнит до сих пор при одном воспоминании. После обеда не спал и пошел осматривать город, который мне очень понравился своими чистыми улицами и старинными постройками. Много памятников, старинных церквей и костелов. Улицы чрезвычайно оживлены. Дело в том, что мы попали, как объяснил мне Захаров, в период организации Советской торговли. Все или почти все магазины, за исключением продуктовых, закрыты, а на улице идет спекулятивная торговля с рук. Я не видел, однако, ни одной значительной вещи; все мелочи: кусочек мыла, ножи для безопасного бритва, шоколад, водка, шнурки для ботинок и т.д.; но все это в невероятно большом числе рук, хотя и в малом количестве. В темных углах, говорят продают более существенные вещи; но я кроме тулупа за 2500 р. ничего не видел. Цены вообще московские.

20-го я вернулся домой очень утомленный; от многих впечатлений и от некоторого напряжения при разговорах долго не мог заснуть. Здесь, кроме Рыбки и его ассистента

никто со мной по-русски не говорил, хотя, может быть и могли бы. Мне пришлось напрягать все свое внимание, чтобы понять быструю польскую речь. Это не легко. 21-го с утра Захаров пошел по своим административным делам, а я пошел в Университет на совещание. Председательствовал проректор, украинец т.Кривуцкий. Разговоры сводились главным образом к тому, что основание обсерватории в горах на «Поп - Иване», не цель собрания, тем более, что граница проходит на расстоянии всего лишь одного метра от обсерватории. Все собравшиеся просили меня похлопотать о том, чтобы перенести инструменты во Львов. Запомнилось совещание тем, что избрали комиссию, которая составит докладную записку и представит ее Академии, и там уже решат, что делать. Вместе с тем все в один голос заявляют, что сейчас добраться до «Поп - Ивана» невозможно. Даже летом туда можно проехать только верхом. На зиму туда снаряжалась группа наблюдателей и оставлялась там до весны на зимовку, как у нас на арктических станциях. Никто однако толком не знает, что там делается; сведений от туда, с «Поп - Ивана» по крайней мере во Львове ни у кого нет.

После совещания я опять бродил по городу в надежде что-либо купить. Оказалось, что это совсем невозможно. Я купил лишь две-три пачки почтовой бумаги, да полсотни лампочек для инструментов, а то в Полтаве их совсем у нас нет. Народу же 20-го на улицах было еще больше, чем накануне; местами были такие толпы, что нельзя было пройти. Причину оживления узнал лишь вечером в кофейне: оказывается, что вышел декрет о том, что польские деньги, которые ходили до сих пор наравне с советскими, с 20-го числа аннулируются и все старались сбить или обменять польские деньги. Я «поменял» около 2х рублей мелочью, которую все равно хотел внукам привезти для забавы. Вечер 20-го посвятил я на книжные магазины; но ничего по астрономии не нашел.

21го, т.е. сегодня после завтрака, мы пошли к председателю облисполкома; и рассказали ему о нашем посещении львовских обсерваторий и просили содействовать для путешествия в горы. «Поп - Иван» помещается между Румынией и Венгрией, доступ туда, по имеющимся сведениям, действительно труден; но возможен; нужно только снарядиться как следует. Мы указали на наши пальтишки и председатель сейчас же распорядился выдать мне шубу. Остальное надеемся получить в Станисове, куда едем завтра утром. Там снарядимся окончательно и я думаю, что в польский сочельник отправимся в горы. «Шуба» оказалась медвежьей дохой; она надевается на пальто, так что будет тепло. Остается достать что-нибудь теплое на ноги. Захаров думает, что в Станисове или еще дальше в Коломне можно будет приобрести в собственность полушубки и валенки. «Шуба» же мне дана во временное пользование сроком на 10 дней. Кончив дела, мы еще раз походили по городу смотрели интересные здания и памятники. В музеях побывали уже на обратном пути. Зашли к начальнику снабжения, он обещал помочь мне заказать костюм, но не сейчас, а потом, когда наладится гос. торговля.

Возвращусь «на первое», как говорил протопоп Аввакум. Пограничной станцией был раньше «Подволочиск». Это был первый «Заграничный» пункт. Поезд стоял там 1,5 часа; можно было погулять и посмотреть новые места. Всех больше всего привлекали многочисленные киоски с тетрадями и писчебумажными принадлежностями. Все запасались учебными тетрадками; мы же отложили это до Львова, где тетрадей вовсе не оказалось. Будут ли они в Подволочиске при нашем возвращении, конечно, неизвестно. Описал тебе, что вспомнилось. Сейчас 7 часов вечера; по-местному 5. Идем запасаться провиантом. Две открытки пошли в Днепропетровск, а одну со звездой Игорю (на обороте написано).

Пиши обо всем по адресу Львов «Главный почтамт, до востребования».
Письмо по исправлении сохрани. Не перечитываю, так как нет времени.

Дорогая Катюшенька, сегодня 22-го мы встали рано, в 6 часов утра и за 1:5 часа до отхода поезда забрались на вокзал. Здесь порядки еще старинные, и хорошо, что мы пришли

рано: поезд уже стоял у перрона и мы могли сесть; позднее же стала подходить публика; билетов дают больше, чем мест и многим пришлось стоять. Был довольно сильный мороз; но мне в шубе было тепло. Увидеть по пути ничего не удалось, так как окна обмерзли. В Станислав приехали в 2 часа дня. Езды по расписанию 3,5 часа; но мы опоздали. Так как мы с утра ничего не ели, то прежде всего пошли обедать. Цены оказались в ресторане очень низкие: суп 50к жаркое 1.50 – 2.00 р. Все хорошо приготовлено. После обеда пошли к представителю облисполкома, который, прежде всего, обеспечил нам комнату в гостинице. Это здесь, как и во Львове, одно из самых трудных дел. Даже имея ордер на комнату, мы не сразу ее получили; однако к 5 часам всё устроилось и мы начали подготавливаться к дальнему пути. Представитель исполкома вызвал своих физкультурников и поручил одному из них доставить нас на «Поп - Иван». Он дает нам машину до «Ворахты», от которой дальше можно идти только на лыжах. Для меня надеются достать лошака. Идти придется целый день. Сейчас физкультурники снаряжают весь необходимый инвентарь на 10 дней пребывания в горах. Летом это было бы одно удовольствие. Зимой на Спиридона-Повирата(?) дело не легкое, однако же и приятное. Сейчас случилась неприятность с очками: оправа сломалась по полам, а в магазинах делают очки только по рецептам. Придется завтра и за этим идти в исполком.

Станислав – чистенький, небольшой город. Рассказывают, что немцы будто бы все из него вывезли, даже костюмы для лыжного спорта. В магазинах и здесь ничего нет. Наши порядки установлены в Станиславе уже больше, чем во Львове. Есть уже Госмагазины и союзпечать. С 20-го после аннулирования польских денег нигде нет мелочи, и покупать надо так, чтобы вышло на круглые рубли. Впрочем, купить здесь можно, кажется, только яблоки и бумагу.

Ни во Львове, ни в Станиславе нет ничего сладкого. Сегодня в Станиславе большие очереди за конфетами или за сахаром. Был на базаре; купил там себе на дорогу в горы чашку и подсвечник. Продают много «доморощенного» табаку, яблоки и лук. Больше я что-то ничего не видел. Жизнь налаживается, и говорят, что к 1 января будут открывать магазины полные товаров. Вечером шныряют спекулянты; один забрался и к нам и предлагал костюм за 600 рублей; но такой плохой, что Шурка пожалуй, и носить не стал бы. Это письмо, как и первое, сохрани: придется писать отчет - воспользуюсь. Целую тебя и Шурку.

Станиславов, 24.12.1939

Дорогая Катюшенька, наш отъезд из Станиславова задерживается дня на два из-за формальностей с получением пропуска в пограничную, запретную зону. Ведь обсерватория на Поп Иване стоит от границы всего лишь на расстоянии одного метра!

25-го уйдет у нас на подготовку и снаряжение, а сегодня 24-ое – выходной день и кроме того воскресенье и сочельник, который здесь еще празднуется, так что ждать придется не меньше двух дней; я надеюсь, однако, что 26-го утром уедем с таким расчетом, чтобы вечером 26-го уже быть в Варохте, а оттуда утром 27-го уже пешком выйти в горы.

Погода стоит здесь сейчас солнечная и теплая; в горах, говорят, теперь очень хорошо. Если погода продержится, то путешествие на обсерваторию не представит больших затруднений. Мы рассчитываем пробыть на Поп – Иване три или четыре дня. Встретим, вероятно, новый год и числа 3-го или 4-го будем обратно в Станиславова и Львове, а числа 7-го в Киеве, откуда я должен буду проехать в Полтаву; но не надолго, так как 15-го астрономический съезд в Киеве; так что в Москве я буду числа 20-го января.

Вчера с надлежащего разрешения я купил себе две оправы для очков; мои изломались в дороге. Цены московские: 15р. штука со стеклами. Одну оправу я купил для тебя. Оправа легкая и «деликатная»; я боюсь, что наши мастерицы, вставляя стекла, сломают ее. Поэтому напиши мне в Станиславов до востребования, какие номера твоих стекол; я постараюсь вставить их здесь. Напиши мне и во Львов на тот случай, если в Станиславе

твое письмо меня не застанет. Я не имею понятия, сколько времени идут письма; но думаю, что к 3-ему, если ты сразу напишешь, я получу твое письмо еще в Станиславе.

Кстати посмотри в Энциклопедическом словаре, как пишется этот город. Тут два варианта: Станислов и Станиславов. Как вернее, я что-то не могу здесь узнать.

Я не буду в состоянии написать тебе с обсерватории, а потому поздравляю тебя заранее с Новым годом и желаю тебе всего самого хорошего. Вернувшись, буду хлопотать о чем хотел. Надеюсь, что 1940-ой год будет годом радостных свиданий.

Целую тебя и Шурку.

Твой Саша.

Хотел приложить открыток с картинками, да нет на них ничего особенного. Посылаю только одну. Хочешь, если нравится, приложить к твоим, а нет, так напиши кому-нибудь поздравления.

Станиславов, 26.12.1939

Дорогая Катюшенька, вчера поздно вечером около 10 часов мы получили, наконец, пропуск на обсерваторию и на совещании решили ехать сегодня. Сейчас 10 часов утра, Захаров пошел за автомобилем; но я совсем не представляю себе, как можно ехать на машине в такой снег, какой идет сейчас здесь. Жаль, что задержались в Станиславове: целых 4 дня здесь сидели. Снабжены мы хорошо; нам дали теплую одежду и пропитание. К сожалению, нет еще расценки на обувь и свечи, а потому их не выдали. Все дается по орденам, которые мы легко получили. Целую.

С. Жабье, 27.12.1939

Дорогая Катюшенька, вчера 26-го нам подали к гостинице в Станиславове чудную машину типа «ЗИС» и мы выехали в 12ч.45мин. Ехали со скоростью 60 км в час по превосходному шоссе и быстро достигли предгорья, где начинаются знаменитые прикарпатские курорты. Даже зимой и без снега местность поражает красотой. Везде красивые домики много вывесок «Пансион», «Отель» и т.д. Но сейчас здесь уже работают представители нашего курортного управления и к лету, вероятно, будут созданы санатории.

Из Станиславова нам дали провожатого, доктора прав Вильдера, который должен доставить нас на обсерваторию. Он повез нас в Варохту, прекрасное курортное место на берегу Прута в 120 км к югу от Станиславова. Здесь нас остановила погранохрана и разъяснила, что разрешение ехать на «Поп Иван» может дать другой воинский отряд, который находится в с. Жабье, в 35 км от Варохты на Ю.В. Надо ехать туда, а у шофера не хватит тогда бензина вернуться назад в Станиславов. Целый час провозились, пока достали бензин: выручила нас погранохрана; она отлила нам 35 литров бензина. В 16 часов все было готово; но Захаров пропал. Оказалось, что пока заряжали машину, он, никому не говоря ни слова, пошел пить вино. По-видимому, вино на него хорошо подействовало, потому что до Жабье он спал всю дорогу.

От Варохты до Жабье дорога идет все время сосновым лесом. Деревья ниже московских, но стоят гуще, и лес производит впечатление «дремучего». Он густой и темный. Воздух очень приятный и какой-то мягкий. Снегу нет. Температура около 0°. Жабье начинается большим каменным строением, в роде замка, где раньше помещался «Гуцульский музей». Гуцулы – это местное население, насколько я мог понять – это прикарпатские украинцы. Одеты очень своеобразно и красиво, в своих безрукавных, коротких курточках, расшитых «золотом» и всякими узорами и блестяшками. Женщины ходят в таких же безрукавках на меху и в юбках, расшитых красивыми узорами. Посылаю тебе бывший рекламный листок,

чтобы ты лучше могла судить о месте, куда я заехал. На карточке я изобразил Жабье и Поп Ивана.

Самое красивое место по дороге было Яремче с мостом через Прут. Это место тоже есть в приложении. Рассказывают, что сюда ежегодно съезжались туристы со всего мира; снаряжались здесь и уходили в горы.

Жабье лежит на реке Черемош. Она тянется на много километров. Приехавши сюда, мы остановились в бывшей гостинице Чартнера километрах в 7 от гуцульского музея, где расположен местный гарнизон, куда нам нужно было явиться. Мы наскоро пообедали и в 6 часов вечера пошли в музей к политруку. Шли 1,5 часа все по берегу Черемоши. Военные власти проверили наши документы и обещали всякое содействие; обещали помочь нам достать лошадей, горное снаряжение и пропитание; но предупредили, что путь очень трудный. До Поп - Ивана пути еще километров 50, из них 35 можно проехать, а как мы будем добираться до вершины, как будем проходить 15 последних километров по снегу, люду и на сильном горном ветру я еще совсем не знаю.

До сих пор путешествие было одним удовольствием, если не считать разочарования при невозможности что-нибудь купить. Старое уничтожено, новое еще не организовано. Из Станиславова нам удалось увезти с собой большое количество продуктов рублей на 300; взяли консервированного мяса, кофе в банках, сыру, сахару; но оказалось, что во всем этом здесь недостатка нет. В Жабье, например, кормят прекрасно и дешево. Гартнер берет с нас по 3 рубля за завтрак и ужин и 4 за обед (суп, пиво, жаркое и кофе). На завтрак и ужин: яичница, масло, кофе. Каждому из нас дали по отдельной комнате с бельем и полотенцем, что очень кстати; так как я из Москвы сообразил взять только одно полотенце, в надежде купить здесь полдюжины, а это оказалось невозможным. Правда в Станиславове я видел полотенце, но плохое и ценой в 11 рублей штука. Я не купил. Может быть, при нашем возвращении откроют уже советские кооперативы и универмаги, тогда куплю, что можно.

Комнаты, где мы остановились в Жабье находятся в отдельном дачном доме с вывеской «Willa Otylja». «Отилья» это еврейское имя. Вероятно, теперь «Наталья».

26-го от коменданта из музея мы вернулись в гостиницу в 22ч.30мин. Осмотрели речку Черемош на протяжении 7 км, т.к. дорога все время идет берегом. Всего туда и обратно пришлось пройти 14 км и я очень устал; однако, хотелось послушать новости, которые мы не знаем с 22-го декабря. Однако же, по радио не передали существенных новостей. Кто-то рассказал, что Гельсинфорс будто бы уже взят и что английская эскадра в Балтийском море уничтожена.

Пошел спать в 12 часов ночи. Идти в отдельный дом, в темноте, на верхний этаж было одному жутковато. Комната оказалась большой светлой с хорошей постелью и до крайности сильно натопленной. От жара ли, от усталости или от многих впечатлений; но я долго не мог заснуть и рано проснулся с головной болью. Сегодня 27-го в 10 часов позавтракали; мои спутники: Захаров и Вильдер пошли хлопотать о машине, чтобы ехать дальше. Я с ними не пошел и сел, чтобы написать тебе.

Вильдер оказался просто адвокатом. С приходом советской власти он сделался, я еще не знаю почему, инспектором альпинизма при облисполкоме. Пока что он повез нас не по той дороге, по которой нужно. (Он повез на Варохту, а надо на Жабье). Не думаю, чтобы он и впредь нам был полезен. Однако его с нами послал облисполком, и делать нечего, - пусть идет дальше. Но ведем мы его, а не он нас.

Сейчас уже не буду писать так часто как до сих пор, потому что дальше почты не будет. На обратном пути сейчас же буду тебе телеграфировать. Целую тебя и Шурку. Письма не исправляй и сохраняй мне для отчета.

С. Жабье, 28.12.1939

Дорогая Катюшенька, я писал тебе, что мы должны были выехать из Жабье 27-го, однако, еще 26 вечером поднялась метель и сильный ветер. Идти в гора при такой погоде нельзя было и думать; я выразил было желание ехать дальше; но запротестовал начальник милиции и сказал, что будет телеграфировать в «центр». Этот центр уездный город Косов, к которому административно подчинено Жабье. Откровенно говоря, я был рад вынужденной остановке, так как прогулка в музей после хлопот в Станиславове и поездка на автомобиле до Жабье с остановкой в Варохте, где пришлось порядочно походить, очень меня утомили. Между тем Жабье это дачное место на высоте 630 метров. Гостиница хорошая, постель превосходная, питание такое, что лучше и желать нельзя. Мне здесь больше нравится, чем во всех наших Узких, Балашевых и т.д. Воздух очень чистый и приятный.

27-го весь день шел снег. Остались мы очень кстати. Начальник местной милиции, который первый побывал на обсерватории после бегства поляков, показал нам интересные документы с планом эвакуации обсерватории и с последними распоряжениями. Судя по этим документам поляки увезли все ценное оборудование, а то, что осталось приведено в негодность. Увезены объективы, микрометры, измерительный, счетные и пишущие машинки. Радио, представлявшее большую ценность, уничтожено, «порублено топором», как сказано в документах. Так все это описано в плане эвакуации и в «последних распоряжениях». Так как венгерская граница проходит в расстоянии всего лишь одного метра от границы, то, вероятно, эти распоряжения выполнены, и на горе ничего не осталось кроме штатива и барахла, которое в значительной степени разобрано местными гуцулами. Однако, с уверенностью никто не может сказать, есть там объективы или нет. Как то не обращали на это внимания, заботясь о другом. Поэтому побывать на обсерватории надо; к сожалению, это сейчас очень трудно. Мне удалось здесь найти открытки с видом на «Поп Иван», к которому можно подъехать лишь так, что до обсерватории остается еще 9 километров и подъем в 500 метров. Летом одолеть это препятствие нетрудно; можно бы и зимой, если бы не сильные ветра. Надо, следовательно, ждать тихой погоды.

Сегодня, 28-го, как раз и наступила такая погода. На дворе тихо и ясно. Мороз наступил сразу. Еще третьего дня было около 0° ; сегодня -18° ; но зато ни малейшего ветра. К сожалению, мои спутники спали. Не найдя их в столовой, я пошел разбудил их в 9ч.35мин. Мы позавтракали и в 10ч.30мин. Захаров с Вильдером пошли за машиной, чтобы ехать в те самые «Шибены», от которых надо идти до обсерватории 9 километров. Я постепенно снаряжаюсь. Во Львове получил шубу; в Станиславове шерстяной свитер с №2 такой, какой надевают лыжники. Осталось достать валенки или войлочные обмотки, какие сегодня надели здесь гоцулы (см. открытку) и можно ехать дальше. Местные жители свои безрукавки сменили на теплые куртки с кистями и шитыми украшениями.

Надеюсь, что мои спутники достанут машину, и мы сегодня уедем. В комнате у меня сейчас холодно, и руки замерзли пока я писал. Но спать под одеялом хорошо. От мира пока отрезаны. С 23-го не имеем никаких новостей. Целую крепко. Я очень доволен, что достал здесь зимний ландшафт с видом на «Поп Иван». Посылаю его тебе, чтобы ты могла судить, куда мы сейчас направляемся.

С. Жабье, 2.01.1940

Дорогая Катюшенька, никогда, конечно, я не встречал нового года при такой обстановке, как третьего дня на высоте 2026 метров в роскошном здании и необыкновенно мрачной и в то же время красивой обстановке. Я чувствовал большое удовлетворение, что добрался до вершины горы зимой при глубоком снеге и при таком ветре, что нас валило с ног. Впрочем, ветер то нас, пожалуй, и выручил. Однако же расскажу все по порядку. Если ты

получила мои письма, и если я верно помню, то я кончил свои заметки тем, что 29 декабря мы выехали из Жабье на дровнях. Было очень холодно; снегу мало, мы ехали шагом, и ноги у меня совсем замерзли; не помогли и шерстяные чулки, которые одолжил мне хозяин гостиницы. Было, пожалуй, от них даже хуже, потому что ботинки мне очень жали. Через час (15ч.30мин.) мы доехали до музея, где командир дал всем нам новые валенки. Когда мы вышли из музея, то увидели, что к Яворнику, куда нам нужно ехать отправляется грузовик с красноармейцами. Я с Захаровым попросили подвезти нас и поехали на машине, чем были очень довольны. Вещи же и нашего спутника Вильдера с тремя милиционерами, которые нас сопровождают, оставили на дровнях.

Яворник в 35 км от гостиницы Гартнера, но дорога опасная, горная, скользкая в это время года. Ехали с осторожностью. Красноармейцы заботились обо мне, кутали меня и хотя мы ехали в открытом кузове грузовика мне холодно не было, и неудобств я не испытывал, так как меня посадили на какой-то сундучок. Через два часа были в Яворнике, - это маленькое поселение в три четыре дома; лучший из них дом лесника, у которого мы и остановились. Хозяин и его жена, которым, говорят доверять нельзя, приняли нас очень хорошо. Накормили обедом, напоили чаем, угостили превосходной наливкой. Насытившись, я пошел осматривать местность, но было холодно, уже темно и я скоро вернулся, не видав ничего кроме быстрой речки Черемош и темных, почти черных лесов. От этих лесов, вероятно и местность называется «черные горы». Я обнаружил, что ходить в валенках я почти не могу; они мне не по ноге, очень велики, кроме того они новые, подошвы и каблук круглые. Ясно было, что сделать в них 18 км, как нам предстояло, я не смог бы. Выручил меня хозяин (Панчак) он мне предложил надеть еще две пары грубых шерстяных чулок, а сверху суконные боты, обшитые снизу резиной. Я так и сделал; думаю, что весь успех моего дальнейшего путешествия тем и объясняется, что ногам было тепло и легко. Я шел, как босой; вместе с тем было мягко. Спутников наших все не было, и я пошел спать. Меня приняли к себе красноармейцы. В маленькой комнатке такой, как мой кабинет нас было 6 человек. Меня уложили на единственной в комнате постели, а хлопцы легли все на полу и через четверть часа начался храп столь заразительный, что и я крепко заснул и проснулся лишь в 8.30 утра. Я хорошо отдохнул; но кровь у меня пошла, подтереть нечем. Спутники приехали на кануне часов в 11. Утром 30-го в 10ч.15мин. мы вышли из Яварника в составе 7 человек: нас трое, начальник милиции, два милиционера и один гуцул с вьючной лошадей. Прошли по Черемошу вверх метров 200 и здесь началось наше знаменитое восхождение на Поп-Иван, при чем все говорили, что мы не дойдем. (Имели в виду, конечно, лишь меня). Остальные все люди привычные. С берега Черемша свернули сразу направо, вверх и пошли лесом по тропинке «все выше и выше». В шубе, которую мне дали идти в гору было, конечно, нельзя ее навьючили на лошадь. Зимой в лесу с потоками, водопадами, поваленными деревьями, красиво посыпанными снегом идти было очень приятно и весело и я прямо таки не чувствовал трудности пути. Скоро нас догнали два красноармейца, и с ними идти стало еще веселее. Дорога шла лесом и все в гору. Яворник, из которого мы вышли, стоит на высоте 900 м. Нам предстояло подняться на 1026 метров. Первым остановился инспектор альпинизма Вильдер, заявив, что мы идем уже час, и по правилам туризма надо 30 минут отдыхать. Однако, мы запротестовали. Передохнув всего лишь две-три минуты опять пошли и перейдя ручей, в котором через лед и снег быстро текла вода, мы все-таки через полчаса остановились, потому что на пути дальше лежала гора с крутым подъемом. Я был уже мокрый, хотя шел всего лишь в своем драповом пальтишке. Чтобы я не простудился на меня Захаров накинул шубу. Отдохнув, двинулись дальше, положив шубу на лошадь. Снял с себя теплое пальто и Вильдер, на котором было десять фуфаяк, шерстяной лыжный костюм, чепчики, шарфы и теплая шапка. Мне предлагали сесть на лошадь, но я отказался. Во-первых, потому что идти было очень приятно, во-вторых, надо было надевать шубу, а она без пуговиц, в-третьих, мы поднимались по узкой тропинке над крутым обрывом слева; в-четвертых, гуцульские лошади к горам не приучены так, как на

Алтае, и я боялся, что конь меня сбросит, как оно потом действительно и случилось. Пошли дальше; я останавливался все чаще; Вильдер тоже. Меня каждый раз кутали в шубу. Вообще Захаров и мои спутники очень обо мне заботились. Целый час поднимались в гору. Я стал очень уставать; но все-таки взобрался на вершину; каковы же были разочарование и досада, когда мы увидели, что нужно спускаться опять вниз. Это просто был высокий перевал, который мы должны были одолеть, чтобы перейти к другому ручью на новую дорогу. Идти вниз или по ровному,- было для нас, а для меня особенно большим отдыхом. Кое-где садились на пни или поваленные деревья. У меня были две плитки шоколада, я разделил их на 9 частей. И это была вся наша пища в пути. Через 4 часа ходьбы мы подошли к той границе, где кончается лес. Началось открытое место с редкими хвойными деревцами, высота которых становилась все меньше и меньше и мы дошли, наконец, до совсем открытой снежной поляны, где нас в первый раз рванул сильный ветер. До бывшей горной гостиницы, где мы предполагали сделать привал, оставалось уже около километра; но мы уже прошли 13 км, а дальше дорога шла в гору с очень крутым подъемом. Я прошел метров 300 и чувствую, что дальше идти не смогу; во-первых устал, а во-вторых дорога снежная в более тихих местах и обледенелая на ветру. Мне опять предложили сесть на лошадь. Я не отказался; с камушка кое как в своей медвежьей шубе сел на коня, которого гуцул повел в поводу, однако не проехал я и 100 метров, как конь остановился. Его стали понукать, лошадь поддала сначала задом, потом стала на дыбы и ловко свалила меня под откос. Падая, я спасал ноги и радовался, что качусь вниз подалее от копыт. Еще на Алтае староверы меня учили, что, если лошадь сбрасывает, то надо беречь свои ноги и спастись от лошадиных. Снегу было много; я упал на мягкое, и все кончилось благополучно. У моих спутников улучшилось настроение, и мы пошли дальше; оставалось уже пройти с пол километра, но по очень трудному пути с крутым неудобным подъемом при сильном ветре, который нес и крутил снежную крупу, залепляя глаза. Я останавливался чуть ли ни каждую минуту, при чем шубу нес уже красноармеец, накидывая ее на себя во время пути и закутывая ею меня, когда я останавливался. Я совсем задышался, когда вдруг за углом увидел здание, к которому мы шли. Оставалось метров сто, но, правда, опять с подъемом. Я собрал все свои силы и добрался до здания. Всего шли ровно пять часов (пришли в 15ч.15мин.). Нас встретил молодой хозяин гостиницы, как родных. Прежде всего снял с меня совершенно мокрое белье и дал чистую рубашку. Накормил нас и предложил помыться в бане. Я не рискнул, так как боялся простынуть, а Захаров помылся. В 18 часов впервые после пятидневного перерыва послушал радио и узнал, что в Турции было сильное землетрясение. Захаров с милиционерами после 2х часового отдыха хотели идти дальше. Оставалось еще 3,5 километра с подъемом около 300 метров; гостиница, куда мы пришли, расположена на высоте 1787 метров. Я упрямился, однако, Захарова переждать до завтра, так как я идти в тот же день дальше не мог, да и погода была очень плохая. Я поражаюсь, как я дошел, потому что потом, когда я передохнул и хотел выйти, посмотреть с час на окрестности, то не мог устоять от сильного ветра и ничего не увидел, так как снежная пурга залепила мне глаза. Захаров согласился со мной, решил остаться и пошел в баню. Я рано лег спать. Хозяин гостиницы уложил нас в теплой комнате, дал чистое белье и включил радио. Я моментально заснул; но скоро проснулся, так как в соседней комнате действовало радио и мне через фанерную перегородку все было слышно; но меня беспокоило не радио, а то, что ветер на дворе усиливался. Свист и завывания становились все сильнее и мне вспомнилась обстановка, при которой я возвращался из Новороссийска в Одессу на пароходе в сильную бурю приблизительно в такое же время года. Лежа я прослушал «свидание» Чехова, еще какие-то удивительные истории и, наконец, последние новости, в которых, однако, особенно сенсационных известий не было. Только под утро уснул и проснулся 31-го в 8ч. Проснулся и Захаров. Нам доложили, что путь предстоит очень тяжелый, так как ветер усилился. Делимся впечатлениями вчерашнего дня. Здесь выясняется, что я не так плох, как могло бы показаться. Захаров говорил, что он иногда

радовался, что я останавливался, потому что и он очень устал! Наш физкультурник, инспектор альпинизма, придя в гостиницу, прежде всего, попросил себе койку, заявив, что у него разболелись ноги. Шедшая за нами группа молодых людей остановилась внизу у подошвы последней горки, так как двое не могут на нее взобраться. У Вильдера «почернел» ноготь на пальце ноги. Я не знаю, что это значит, но мы решаем оставить его в гостинице, и отправляемся в составе 5 человек (я, Захаров, два милиционера и хозяин лошади) и четыре провожатых, знающих дорогу. Вышли ровно в 10ч. Утра. Дорога сразу пошла вверх. Снег, пурга, ветер. Идти в очках нельзя; это я увидел еще вчера и еще вчера спрятал свои очки в новый футляр. Да, и мало бы я увидел, потому что гора была опутана туманом, а пурга мешала смотреть. Видно было, однако, что мы очень высоко, потому что внизу в ту и другую сторону чернели верхушки соседних, более низких гор. Кое-как мы взобрались на первую горку, с которой опять с досадой должны были спуститься чуть ли не больше, чем поднялись и через полчаса подошли к горке, вид которой меня прямо испугал: она крутая и высокая; чтобы не сбиться с пути, на ней через каждые 10 метров поставлены вешки. Я стал колебаться и подумал уж не вернуться ли; тем более, что я шубы не взял и останавливаться и останавливаться да еще на сильном ветре было нельзя. Я, однако, останавливался и был очень тронут, когда ко мне с подветренной стороны подошли мои спутники и стали «стеной», чтобы защитить меня от ветра. Меня это очень тронуло и я пошел. На мне было надето две спортивных «футбольных» фуфайки и мое пальто. При ветре 35 метров в секунду (так сообщили с обсерватории) стоять было холодно на морозе; однако у каждой второй вешки я должен был останавливаться, чтобы отдышаться; у каждой задерживаться было уже совестно. Один милиционер мне очень помог. Он был обут приблизительно так как я и мне было удобно идти за ним. Он оставлял следы, по которым я и поднимался. Заметив это, мой милиционер еще более «протапывал» мне «лестницу» и так кое-как мы поднялись наверх и очутились на венгерской границе. Здесь место совсем открытое. Путь идет дальше по границе, которая проходит как раз по вершине хребта, подходящего к последней горе «Поп Иван», где уже стоит обсерватория. Ветер дул так, что приходилось напрягать все силы, чтобы устоять и кое-как двигаться. С той и другой стороны откосы хребта довольно круты и обледенелые. Меня предупреждали, что если свалишься, то прямо не выбраться назад; придется обходить весь хребет, чтобы вернуться обратно. Однако, же полоса на вершине хребта была метров 15 и до ската все-таки далеко; кроме того я следовал за своим милиционером. Хотя путь по венгерской границе был довольно трудный, но сначала было из-за ветра очень трудно; снегу стало меньше, потому что его сдувал ветер; он оставался лишь как раз на столько, что дорога все-таки не была ледяная, а снежная. Это создается благодаря мелким камням, которые задерживают мелкий снег и делают зимний путь ровным и довольно удобным. Пришлось бороться только с ветром. Так шли с полчаса, и я совсем измучился, а тут подошли опять к горке, уже самой крутой из всех, какие встречались до сих пор. По счастью, она защитила нас от ветра, и мы могли постоять минут пять. Вышло солнце; ветер не мешал, и я мог посмотреть вниз. Венгрию увидел всю, как на ладони. Видна была конечно и наша сторона прикарпатской Руси. Было очень приятно, а красота такая, что и не опишешь. Однако впереди крутая горка, а на ней закутанная в дымку обсерватория. Сквозь туман виднеется уже ее силуэт, но подробностей не было еще видно. Мне стало холодно стоять. Вышли из-за камней, защищавших нас от ветра и пошли на подъем. Тут-то и помог нам ветер. Он дул со страшной силой; на горке он чувствовался еще больше; но он дул, как-то с боку, справа, но так что какая-то его составляющая гнала нас наверх. Благодаря этому самую крутую горку мы одолели с большей легкостью, чем другие. Правда видна была уже цель нашего путешествия. Обсерватория была уже совсем близко и я вошел в нее 31.12.1939г. в 12ч.30мин. Таким образом, 3,5 километра мы шли 2,5 часа. Что нашли там, что видели и как спустились, как Новый год встретил опишу в другой раз. Целую.